

«ГОРЕ ОТ УМА» В РУССКОЙ РЕЧИ

Работа над комедией была закончена А. С. Грибоедовым в 1824 г., однако строки из нее получают известность и становятся «крылатыми» раньше. Еще при жизни писателя комедия распространяется в списках, частично публикуется, многое входит в цитирование.

К сожалению, не проведено ни одного научного сопоставительного исследования, отражающего круг самых цитируемых произведений русской классической литературы, высказывания по этому вопросу имеют интуитивный характер. Однако рискнем предположить, что «Горе от ума» оказалось бы в первой тройке, если бы таковая работа проводилась: сюда бы добавились «Евгений Онегин» Пушкина и основной корпус басен Крылова. Подтверждением нашего предположения могут служить многочисленные примеры употребления различных цитат из комедии Грибоедова в средствах массовой информации, от газет первой четверти XIX в. до современных текстов Интернета.

Так, среди литературных цитат, активно используемых на страницах газет «Северная пчела» (1820–1840-е гг.) и «Северный Меркурий» (1830–1831 гг.), первенство принадлежит именно выражениям из «Горя от ума», значительно меньше цитат из произведений Пушкина, Фонвизина и Крылова. Комедия Грибоедова долго подвергалась цензурным гонениям, это особенно подогревало к ней интерес, способствовало ее хождению в списках. «Первый списанный экземпляр сей Комедии быстро распространился по России, и ныне нет ни одного маленького города, нет дома, где бы не было списка сей Комедии, по несчастью, искаженного переписчиками», — писал Фаддей Булгарин (Сын Отечества и Северный Архив. 1830. № 1).

Сегодняшний газетный текст представляет собой игру с цитатами, авторство которых зачастую не указывается в расчете на память образованного читателя. Цитаты из литературных произведений иначе использовались в газетах первой половины XIX в.: неписанным правилом было обязательное указание на автора. Например: «Верьте, мусье Грипусье, Издателю *Московского телеграфа*: вы обязаны ему своим существованием, *«Он славно пишет, переводит!»* См. «Горе от ума», соч. А. С. Грибоедова» (Северная пчела. 1825. 17 окт.). Узнаваемость и популярность грибоедовских цитат приводит постепенно к нарушению такого педантизма, комментарии становятся неполными, приблизительными. Примеров таких общих указаний на источник довольно много: «Но кончим выписки по недостатку места; мы уверены, что эта Повесть в некоторых других изданиях будет называться образцовою. В одной комедии сказано: *«Есть множество отрад: бранят вас здесь, а там благодарят»* (Северная пчела. 1826. 5 дек.). Часто сноски содержат информацию не об источнике, а скорее об его известности: *«Поддай-ка календарь! читай, не так, как пономарь, а с чувством, толком, расстановкой!»* — сии слова Фамусова свидетельствуют, что для многих людей календарь есть вещь немаловажная, что они не только справляются с ним в рассуждении разделения времени, наступления праздников, расстояния городов, прихода почты, но и пользуются им как книгой полезного и приятного чтения» (Северная пчела. 1829. 14 дек.). При этом дается выразительная сноска: «Нужно ли говорить, где!» Или: «Пора, пора нам опомниться и приняться за свое родное. Будем послушны общему мне-

нию! Оно не в блистательных гостиных. «*Воскреснем ли когда от чужезвастья мод, чтоб умный, добрый наш народ, хотя б по языку нас не считал за немцев*» (Северная пчела. 1829. 28 дек.). Сноска: «Не нужно сказывать, откуда взяты сии стихи: все знают бессмертное творение».

Фразы из комедии бытуют в «Северной пчеле» расширительно, вне прямой связи с источником, как реакция на тему или героя очерка. Так, говоря о сытном обеде, журналист использует выражение *Ешь три часа, а в три дни не сварится*. В рецензиях на водевиль почти наверняка встретится репетиловское *Да, водевиль есть вещь, а прочее — всё гиль*. В фельетоне о воспитании дочерей тут же возникает восклицание Фамусова *Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом*. Все устаревшее неизменно связывается с *Временами очаковскими и покореньем Крыма*, а о своеобразном наречии, на котором общаются светские и провинциальные барышни, обязательно скажут как о *Смешении языков французского с нижегородским*.

Прошедшие почти два века принципиально мало что изменили. В газетах второй половины XX в. (50–90-е гг.) встречаются цитаты, отражающие авторское переосмысление и обыгрывающие всем известные выражения: *Горе от ума* (в рассказе о шалостях подростков), *А судьи кто* (о вакантной должности судьи или необъективном судействе в спорте), *Герой не своего романа* (о неудачном кинофильме), *Все врут календари* (о попытках изменить трактовку исторических событий), *Фельдфебеля в Вольтеры дам* (о попытках ограничить свободу слова или волеизъявления). Рождается газетный штамп, стереотип. Возможно использование одной и той же цитаты и в виде индивидуально осмысленной, и в стандартизированной форме. Например, слова *В ГЛУШЬ? В САРАТОВ?* (Моск. комсомолец в Питере. 2000. 20–27 дек.) употреблены как заголовок статьи о переходе баскетболиста из петербургского «Спартака» в *саратовский* спортивный клуб. Однако чаще это выражение получает значение «отдаленное место». В заметке, названной *УЕХАТЬ К ТЕТКЕ, В ГЛУШЬ, В САРАТОВ* (Петерб. телезритель. 2004. № 34), журналист критикует современное телевидение, «спастись» от которого можно только где-нибудь в глубинке, хотя современный Саратов не может быть назван «глушью». Слова Фамусова, обращенные к Чацкому, *А главное, поди-тка послужи* регулярно выступают как заголовок статей о призыве на воинскую службу. Выражение *Карету мне, карету* в газетных заголовках соотносится с «каретой» — в статье о прокате старинных экипажей (Комс. правда. 1987. 17 нояб.), с автомобилем, когда речь шла о попытке правительства заменить служебные иномарки «Волгами» (Сов. Россия. 1997. 24 июня), с финалом комедии Грибоедова, — отъездом, скандальным увольнением и т. п. Нередки попытки применить «Горе от ума» и к современной политической жизни России. Например:

В нынешней российской политике тоже, слава Богу, трагиков нет, поэтому она, в общем, почти без остатка расписывается по Грибоедову — если не быть слишком серьёзным <...>. Вы удивитесь сверхъестественному изобилию на нашей политической арене *Молчалиных* и *Скалозубов*. Дивиться тут, однако, нечему: подавляющая часть нашего политического класса суть люди государственные, служащие <...>. Проблема у нас с *Чацкими*. Мне, в противность школьным учебникам, *Александр Андреич* отнюдь не кажется идеальным героем, но без этого элемента картина перекашивается. Но кое-кто всё-таки работает и в этом амплуа. Прежде всего, конечно, Явлинский — он, в точности как протагонист «Горя», всегда знает, кто что делает не так, но сам на глазах у зрителя ни разу ничего так не сделал и не сделает — ну, и велеречив. *Полу-Чацким* можно назвать Глазьева. <...> Есть и менее распространённые персонажи <...>. Представьте себе, как демократ Хакамада произносит: «*Ну бал! Ну Фамусов! Умел гостей называть! Какие-то уроды с того света*» — вот и превосходная *Графиня-внучка*. (А. Привалов. Об амплуа в российской политике <2006>)

Или:

Предлагаю игру. Раньше у антрепренеров было правило: труппа укомплектована, если в ней расходится «Горе от ума» — в комедии представлены все возможные на театре амплуа. Посмот-

рим, насколько богата талантами наша предвыборная труппа <...>. Фактура Белякова соблазняет услышать в его исполнении: «Куда как чуден создан свет! пофилософствуй — ум вскружится; то бережешься, то обед: ешь три часа, а в три дни не сварится!» Когда «сварится», кандидат обещает через каждые 300 м на Невском поставить общественные туалеты. <...> На роль самого Скалозуба по праву может претендовать Юрий Болдырев. «Да-с, так сказать речист, а больно не хитер». «И прямизною стана, лицом и голосом герой...». И небольшой говор к роли годится <...>. Я лично с большим интересом жду прослушивания Александра Беляева — его данные представляются мне точным по амплу попаданием на роль Алексея Степановича Молчалина: «Там моську вовремя погладит, тут впору карточку вотрет...». (Д. Циликин. Горе от ума или разных других качеств <1996>)

Интересным представляется бытование грибоедовских цитат в Интернете. Это открытое информационное пространство дает богатейший материал, показывающий, как грибоедовское слово используется в современной русской речи. Специфика примеров объясняется тем, что тексты Интернета во всех отношениях разнородны. Здесь и сама комедия, размещенная в различных электронных библиотеках, и разного рода «образовательные услуги»: сочинения, рефераты, пересказы и т. п. Регулярно встречаются литературные обработки, продолжения, пародии. Традиция эта была заложена еще в XIX в. Уже тогда появляются «Утро после бала Фамусова, или Все старые знакомцы» (1844), «Возврат Чацкого в Москву» Е. Ростопчиной (1856), «Горе от ума» М. Ярона (1881), «Горе от ума» через 50 лет после Грибоедова» В. Куницкого (1883), «Горе от глупости» В. Буренина (1905), «Чацкий в Баку» (1907–1908) и др. Особое место здесь занимают сатирические очерки М.Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» (1874–1877). Выпускается множество небольших произведений в разных журналах («Северный Меркурий», «Одесский Альманах», «Московский Телеграф», «Современник», «Вестник Европы», «Литературные листки, журнал нравов и словесности», «Сын Отечества и Северный Архив», «Сириус»). Сейчас же в пространстве Интернета можно встретить и эротические переделки «Горя от ума», и «переводы» на язык компьютерщиков. Например, в пьесе «Горе от маленького балетного ума» выведен некто *Плясалин*, «владелец танцевального раскрученного сайта». Он поучает *Чатского*, «маньяка танца», который не любит *чаты*, вопреки своей фамилии. Большинство реплик героев соотносится с «Горем от ума»:

[Плясалин]

— Сказал бы я... во-первых, не блажи,
Страницу не выстраивай оплошно.
Перед клиентами затейливо пляши.

[Чатский]

— Плясать бы рад, приплясывать мне тошно!

(Исидора. Горе от маленького балетного ума <2005>)

Показательно, что финальный «монолог» *Чатского* заканчивается восклицанием: *Дискету мне! Дискету!*

Подобного рода пародирование не редкость. Так, в «пьесе» «Горе от ума» (www.rf-slf.nino.ru <2005>) мы встречаем такой диалог:

Н а р к о м а н (Чацкому):

Ваш шприц — прелестный шприц,
Поболее наперстка!

Попробовал его — вся дыбом встала шерстка.

Т о к с и к о м а н (затягиваясь аэрозолем из сапога):

А я вчера достал ведро «Момент»,

Добавил первосортного цемента,

Нюхнул, прилег, а после три подружки

Меня полдня снимали с раскладушки.

Ср. также в ряду шуток, названных «Интернет-чемпионатом по бескрылкам», в которых нужно закончить стихотворение:

Раз в *Саратове* с Лужкова кепку сняли,
Дали в морду, отобрали кошелек.
Заявил он провожатым на вокзале:
[...]

Ответ: *Из Москвы сюда я больше не ездук.*
(И. Ратнер)

Печорин — Пушкину: — Мы в ссоре?
Вы поздоровались так странно...
— Нет, что Вы! Просто Вы, Григорий,
[...].

Ответ: *Герой не моего романа.*
(И. Ратнер)

Попалась балерина дикарям.
Колдун сказал: «Посмотрим, что за птица».
А вождь в ответ: «Такой не нужно нам:
[...].

Ответ: *Ешь три часа, а в три дни не сварится!*
(Г. Остров)

В числе возможных причин «сумасшествия» Чацкого Фамусов упоминает и «наследственность», утверждая, что тот «*По матери пошел, по Анне Алексевне; Покойница с ума сходила восемь раз*» (III, 21). Эти слова неожиданно встретились в бескрылках как шутовое обыгрывание в форме вопроса-ответа:

Вопрос:
Старуха тронулась. И дело мы не возбудили —
Топор сама в себя вонзила. Вам отказ.
Смущает семь ножей в спине? Так мы установили:
[...]

Ответ: *Покойница с ума сходила восемь раз.*
Комментарии: да, это переложение того знаменитого анекдота: «...Спотыкается и падает случайно на мой ножик. И так семь раз...»

(Д. Мартинсон)

Оказывается, что многие наши современники неплохо знают текст комедии. Вопреки расхожему мнению о том, что сейчас используются только самые «хрестоматийные» грибоедовские выражения (типа *счастливые часов не наблюдают* или *ба! знакомые все лица*), собранные нами примеры включают в себя и такие «не лежащие на поверхности» фразы: *вот вам софа, раскиньтесь на покой; охотники поподличать; любить по должности; в мундирах выпушки, погончики, петлички; туда же из смешливых; людишки, пишущая тварь; мой тюрлюрлю атласный; танцовщики ужасно стали редки; то флейта слышится, то будто фортепьяно; на ножках журавлиных; как честный офицер* и др. Отсюда возникает ряд редких крылатых выражений — грибоедовских раритетов, попадающих в русскую речь очень давно. В существующих словарях крылатых слов насчитывается примерно 50–60 словарных заголовков, восходящих к тексту «Горя от ума», но в живой речи их в десятки раз больше. Например, слова Лизы *А как не полюбить буфетчика Петрушу!* (II, 14) расширительно употребляются при шутовской характеристике склонности, симпатии к кому-л.:

Любовь — высокое слово, гармония создания требует ее, без нее нет жизни и быть не может. Да ведь и ты *влюблен*, — что ж тут толковать. *Один лишь я любви трушу*, а признаюсь, здесь есть одна дама — умна, красавица, прелесть... У ней муж старик, и у того старика нога болит, а как не

полюбить буфетчика Петрушу? Ну, прощай, друг; по обыкновению, я кончил глупостью — нельзя же переродиться (А. И. Герцен — Н. Х. Кетчеру, 22–25 нояб. 1835 г.).

Ср. в пародии как «немотивированное» цитирование:

Фил: Что, и тут успели? Ну, ребята: я горжусь вами.

Лиза: А как не полюбить буфетчика Петрушу!

Ирма: Сто грамм! Полцарства за сто грамм!

(В. Граковский. За зеркало <2005>)

Низкая частотность и даже единичность употребления выражения не уменьшает его афористической силы и смысловой универсальности.

Текст комедии нередко служит для подкрепления исторических и фактографических данных. Тематически разнообразные, разнородные по структуре и семантике обозначения в энциклопедических справочниках сопровождаются комментариями реалий, отраженных Грибоедовым. Например, объяснение слова-историзма ГВАРДИОНЦЫ дается следующим образом (II, 6):

«В «Горе от ума» Чацкий высмеивает страсть московских дворянских семей к мундиру, в особенности к гвардейскому <...>. Скалозуб, не замечая иронии Чацкого, хвалит его за то, что он коснулся «предубеждения Москвы к любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам; их золоту, шитью дивятся будто солнцам!» Действительно, гвардейская форма, расшитая золотом, была намного красивее армейской. «Гвардионцами» же стали называть военнослужащих лейб-гренадерского, лейб-кирасирского и Павловского полков, отличившихся в кампании 1812 года и причисленных к гвардии в 1813 году, то есть так называемую молодую гвардию (Ю. А. Федосюк. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века <2003>).

Возникают и некоторые этимологические курьезы. Например, Фамусов, ругая слугу, называет его *ленивой тетерей*: Ты, Филька, ты прямой чурбан, / В швейцары произвел ленивую тетерю, / Не знает ни про что, не чует ничего (IV, 14). Однако в русском языке бытуют выражения *глухая тетеря* и *сонная тетеря*. Грибоедов, расширяя количество переменных компонентов, увеличивает и фразеологическую серию. Во фразеологических словарях выражение из «Горя от ума» выступает «фоново», например:

СОННЫЕ ТЕТЕРИ. Ср. «Тетереву вся зима – одна ночь» (сонный). Ср. Ты, Филька, ты прямой чурбан! В швейцары произвел ленивую тетерю. Грибоедов. Горе от ума. 4, 14. Ср. Эй вы, сонные тетери! Отворите брату двери. Ершов. Конек-Горбунок. См. Глухая тетеря. (М. И. Михельсон. Русская мысль и речь <1902–1903>)

Показательно, что в четырехтомном «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова этот фразеологизм вводится по этому же принципу:

ТЕТЕРЯ <...>. 1. То же, что тетерев (обл.) <...> 2. Употр. в неодобрительных и бранных выражениях (разг. фам.). Глухая тетеря (о недослышавшем что-н. или глуховатом, тугом на ухо человеке). Сонная тетеря. В швейцары произвел ленивую тетерю. Грибоедов. (Толковый словарь русского языка. Т. IV <1940>).

«Ленивая тетеря» — несомненно грибоедовское выражение.

В разговоре Чацкого и Молчалина упоминается некто Фома Фомич (III, 3). Имя и отчество Фома Фомич повторяется после Грибоедова неоднократно у разных авторов. Наиболее известен главный герой повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859) Фома Фомич Опискин. Исследователи неоднократно отмечали связь героя Достоевского с личностью Н. В. Гоголя, такую точку зрения разделяли и многие современники Достоевского. А. А. Краевский усматривал даже связь фамилии Опискин с гоголевскими «Выбранными местами из переписки с друзьями», а сама фамилия могла восприниматься как обыгрываемое слово «переписка». Возможно, Достоевский имел в виду

не только Гоголя, но и Кукольника, выступавшего под псевдонимом «Переписчик». Исследователи отмечали, что многие сентенции Гоголя напоминают назидания христианского богослова Фомы Кемпийского. Очевидно также и текстовое сходство у Достоевского с рассказом Ф. Булгарина «Гражданский гриб, или Жизнь, то есть прозябание и подвиги приятеля моего Фомы Фомича Опенкина» (1836). Связь Достоевского и Булгарина многое проясняет: имя и отчество Фома Фомич могут быть соотнесены с внесценическим персонажем, дважды упоминаемым в «Горе от ума». Фамилия же Опискин, вполне мотивированная указанными выше источниками, может также соотноситься с диалогом Чацкого и Молчалина, так как именно Фома Фомич отличается своим «слогодом» (там же ряд оценок): «Слог его здесь ставят в образец! Читали вы?». Соотносима с последующей интерпретацией писательской одаренности и реакция Чацкого: «Я глупостей не чтец, а пуще образцовых» и т. д. Таким образом, вполне можно выстроить цепочку, исходное положение в которой занимает Фома Фомич из «Горя от ума».

Известны слова Пушкина о комедии Грибоедова: «О стихах я не говорю, половина — должны войти в пословицу» (письмо к А. А. Бестужеву, конец января 1825 г.). Эта оценка оказалась пророческой. Живая речь, компактность текста и его энергия обеспечили творению Грибоедова особое место в ряду произведений русской классической литературы: оно, действительно, «вошло в пословицу», но пути этого вхождения были разными.